

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.4.2](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.2)
EDN [NQZPG](https://edn.nqzpg.ru)
УДК 329.052:352

Н. М. Великая¹

¹ ИСПИ ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

ПАРТИИ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОППОЗИЦИИ НА ВЫБОРАХ В ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В 2024 ГОДУ

Аннотация. Статья посвящена анализу электоральных результатов оппозиционных политических партий на выборах в органы местного самоуправления, которые состоялись в сентябре 2024 года. Рассматривая оппозицию как важнейший элемент современной политической системы, автор обосновывает значимость присутствия оппозиционных политических партий на всех уровнях власти. На основе анализа актуальной электоральной статистики показано, что возможности политической конкуренции на выборах местного уровня несколько выше, чем на региональном и федеральном уровнях, что объясняется меньшей заинтересованностью региональной политической элиты определять муниципальное управление, особенно на фоне снижения бюджетной обеспеченности местного самоуправления и перманентных реформ местного уровня власти. Анализируя реформы местного самоуправления, автор приходит к выводу о постепенном встраивании органов МСУ в общую вертикаль власти и к воспроизводству его зависимости от власти федеральной и региональной. Это, в свою очередь, ведёт к низкому уровню доверия к МСУ со стороны граждан. При этом партии на местном уровне остаются важными акторами гражданского общества и основными участниками электорального процесса, однако его участниками в настоящее время становится менее половины из зарегистрированных политических партий. Автор показывает, что главным бенефициаром выборов становится партия «Единая Россия», в то время как оппозиционные партии довольствуются скорее участием, чем победой. Предложена типология оппозиционных политических партий, в основу которой положены активность участия в избирательных кампаниях (количество выдвинутых кандидатов, количество регионов, где партии принимают участие, количество полученных после распределения голосов мандатов).

Ключевые слова: местное самоуправление, местная власть, политические партии, оппозиция, выборы, электоральный процесс

Для цитирования: Великая Н. М. Партии парламентской оппозиции на выборах в представительные органы местного самоуправления в 2024 году // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 21–35. DOI [10.19181/nko.2024.30.4.2](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.2). EDN [NQZPG](https://edn.nqzpg.ru).

Введение. Особенности функционирования парламентской оппозиции являются предметом рассмотрения как политических, так и социологических исследований, сама парламентская оппозиция рассматривается как важнейший элемент современной политической системы, обеспечивающий эффективную политическую конкуренцию и легитимную сменяемость власти.

При этом успешность участия в избирательных кампаниях местного и регионального уровня является важнейшим фактором результативности на федеральных выборах, в связи с чем для всех партий год, предшествующий парламентским выборам, становится важнейшим этапом политической работы, который позволяет увидеть слабые места электоральной стратегии, определить наиболее значимую для своего электората повестку, выявить потенциаль-

ных лидеров и аутсайдеров предстоящих выборов. В выборах местного уровня принципиальным является и то, что в них участвуют и непарламентские пока партии, но имеющие амбиции стать таковыми.

Анализ местных выборов представляется важным и в силу особой приближённости избираемой местной власти к населению. Местное самоуправление (МСУ) не случайно называют школой народовластия и важнейшим институтом гражданского общества. Это тем более справедливо для России, где на огромном пространстве нашей страны важнейшую роль играют местные территориальные сообщества, объединения депутатов местных органов власти и их активных сторонников. Основанное на принципах гражданской самоорганизации, солидарности и соучастия, оно обеспечивает гражданам возможность принимать политические и управленческие решения по вопросам местного значения, затрагивающим повседневную жизнь жителей муниципалитета, что отражено и в Европейской хартии МСУ¹, подписанной РФ в 1995 г., и в современных теориях управления.

Вместе с тем с начала 1990-х гг. вплоть до конституционной реформы 2020 г. статус местного самоуправления оставался недостаточно определённым. В течение практически тридцати лет местное самоуправление рассматривалось как абсолютно независимое, существующее на внесударственной основе [1, с. 92], что не соответствовало складывающимся практикам управления.

Участие в местных выборах политических партий и оппозиционных политических партий в частности, не только формирует политически конкурентную среду и способствует партийной системе, но и повышает интерес к выборам, вовлекая в избирательный процесс жителей.

Теоретическая и эмпирическая база исследования. Несмотря на значительный интерес исследователей к электоральной проблематике, выборы местного уровня не часто становятся предметом научного анализа. Из наиболее значимых работ, посвящённых выборам в органы местного самоуправления, назовём труды А. Кынева и А. Любарева [2; 3; 4]. Проблемы оппозиционных настроений на местном уровне опосредованно рассматривались в статьях, рассматривающих гражданский активизм на местном уровне [5; 6]. Специфика развития местных сообществ и их участие в избирательном процессе была отражена в ряде монографий [7; 8]. Для нашего исследования представляются значимыми работы Д. Тева и Т. Ткачевой, в которых анализировались выборы в представительные органы городов-столиц субъектов Федерации [9; 10]. Вместе с тем большинство работ, анализирующих выборы в органы МСУ, сосредотачиваются на проблемах избрания глав местного самоуправления [11; 12; 13; 14].

В рамках данной статьи мы намерены проанализировать итоги выборов в городские советы столиц регионов и выявить особенности участия оппозиционных партий в выборах местного уровня. Под оппозиционными партиями в данном случае мы понимаем политические партии, которые не обладают парламентским большинством.

Эмпирическая база исследования – данные электоральной статистики и результаты выборов в городские советы региональных столиц в 21 субъекте РФ

¹ Европейская хартия местного самоуправления: [официальная хартия Совета Европы, принята 15.10.1985]. URL: <https://rm.coe.int/168007a105> (дата обращения: 03.10.2024).

в сентябре 2024 г. и данные всероссийского социологического мониторинга «Как живёшь, Россия» [15], проводимого Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (руководитель – д-р социол. наук В. К. Левашов)².

Реформирование МСУ и сокращение политической конкуренции. За последние 25 лет прошло как минимум 3 муниципальных реформы в Российской Федерации, но ни одна из них в полной мере так и не достигла своих целей.

◆ *Первый этап. Институционализация МСУ.* Принятая в 1993 г. Конституция РФ закрепила статус местного самоуправления как независимого института власти³ и стала основой для разработки Федерального закона от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», после принятия которого Россия присоединилась к ряду международных актов, в том числе к Европейской Хартии местного самоуправления, взяв на себя обязательство соблюдать признанные Советом Европы принципы организации местного самоуправления. Несмотря на дополнительные статьи Гражданского, Налогового, Бюджетного кодексов, а также Федерального закона от 25 сентября 1997 г. № 126-ФЗ «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации», имеющейся законодательной базы было недостаточно для организации эффективной работы МСУ, тем более что многие субъекты Федерации не имели однозначной точки зрения на формы и способы осуществления местного самоуправления.

В 1999 году издаётся Указ Президента РФ от 15.10.1999 № 1370 «Об утверждении Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации», в котором были выделены девять основных проблем местного самоуправления. В их числе: неполное и непоследовательное законодательное регулирование вопросов организации и деятельности местного самоуправления, отсутствие чёткого правового разграничения полномочий между органами государственной власти (федеральными и субъектами Российской Федерации) и органами местного самоуправления, отсутствие права органов местного самоуправления на защиту посредством конституционного судопроизводства прав местного самоуправления и конституционных прав граждан на осуществление местного самоуправления.

Тем не менее, на этом этапе были созданы новые самоуправляющиеся единицы и прошла адаптация ряда новых процедур, таких как выборы в местные органы власти и выборы глав МСУ. Добавим, что в разных субъектах Федерации были созданы разные модели МСУ, что определялось, прежде всего, разными территориальными основами МСУ и разными представлениями региональной политической элиты об оптимальных формах организации местного уровня власти.

◆ *Второй этап (2003–2010) – унификация МСУ.* В ходе работы созданной по Указу президента комиссии по реформированию МСУ и множественных обсуждениях в ГД ФС РФ в 2003 году был принят Федеральный закон от 6 октября

² При проведении мониторинга используется квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основу территориального размещения выборки лежит экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Количество опрошенных в 2024 году – 1700 в 22 регионах РФ.

³ См., в частности, статьи 3, 12, 18, 32, 40, 41, 43, 72. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. М., 1993. 61 с.

2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который заложил основы существующей сегодня системы местного самоуправления. Принятие этого Закона должно было решить часть проблем, отмеченных в упоминаемом ранее Указе Президента РФ. В этот закон регулярно вносились поправки, общее число которых достигает 350 [7, с. 5–6], большинство из которых были направлены на унификацию территориальных и организационных форм организации МСУ. Тем не менее, формирование представительного органа МСУ и специфика избирательной формулы оставалось прерогативой региона.

◆ *Третий этап (2010–2024) — период контрреформы*, связанный с попытками централизации власти и сокращением полномочий МСУ, а также полномочий главы МСУ. За эти годы произошло укрупнение и, соответственно, сокращение количества муниципальных образований. Так, если в нулевые годы муниципалитеты создавались на низовом территориальном уровне, то со второй декады XXI века начался процесс укрупнения муниципальных образований, что, по сути, лишило целый ряд малых и средних городов статуса городских округов (т.е. самостоятельных муниципальных образований). Как результат, в ряде субъектов Федерации достаточно сложно выстраиваются отношения между разноуровневыми субъектами МСУ, прежде всего между районами, городскими и сельскими поселениями.

С 2015 г. российские губернаторы получили возможность отменять прямые выборы глав муниципалитетов, что запустило процесс отказа от прямых выборов. В результате, если к 2012 г. более половины мэров российских городов избирались на прямых выборах, то к 2018 г. таковых осталось лишь 11%⁴. Переход на рекрутирование глав муниципалитетов через конкурсную комиссию и утверждение губернатором существенно сократило конкурентность на местном уровне и позволило ряду экспертов говорить о приоритете модели *мэр-управленец* над моделью *мэр-народный представитель* [16, с. 47]. Большинство исследователей полагают, что повсеместное распространение модели *сити-менеджер* негативно отразилось на степени автономности МСУ, поскольку региональные власти использовали его для установления влияния на органы МСУ, встраивания их в централизованную систему управления страной [17, с. 143]. В ряде случаев отказ от прямых выборов мэров, особенно региональных столиц, был вызван желанием убрать неудобного региональной власти главу, что, в частности, произошло в 2018 г. в Екатеринбурге, когда фактически ликвидировали должность, которую занимал оппозиционный политик Е. Ройзман*. Позже, в 2022 г. выборы мэра были отменены в Томске, в 2023 г. – в Новосибирске, когда после отмены выборов с должностью попрощался мэр-коммунист А. Локоть, а в 2024 году – в Улан-Удэ.

Можно констатировать, что в ходе централизации местное самоуправление стало элементом общей вертикали власти и воспринимается как политической элитой, так и гражданами как уровень государственной власти, хотя формально к таковой не относится. Однако формальное снижение автономии и повышение подконтрольности муниципалитетов государству закрепили именно поправки к Конституции 2020 года [18, с. 121; 19, с. 210].

⁴ Мониторинг развития системы местного самоуправления (2018–2019 гг.) // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.ru/ru/press/news/monitoring-razvitiya-sistemy-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 03.10.2024).

* Включён Минюстом РФ в иностранных агентов.

В настоящее время идёт работа над новым законом о местном самоуправлении, первое чтение которого состоялось ещё в конце 2021 года. Новый закон должен закрепить сложившуюся де-факто структуру властных отношений между разными уровнями власти, а также переход к одноуровневой системе организации МСУ [20, с. 110]. Однако несогласие ряда представителей думской оппозиции привело к долгой работе перед вторым чтением этого законопроекта, которое назначено на 11 декабря 2024 г. На практике за это время местное самоуправление всё больше превращалось в зависимый от регионального уровень, что довольно ярко продемонстрировала электоральная кампания 2024 года.

Доверие к местным органам власти как показатель легитимности МСУ. Институциональное доверие, в данном случае доверие к органам МСУ в лице местного совета и его главы является важнейшим показателем легитимации. Чем выше уровень доверия, тем выше легитимность избранной или назначаемой власти. Поскольку существующие организационные и территориальные основания реформирования МСУ лишь в малой степени сказываются на финансовой обеспеченности этого уровня власти, он продолжает находиться в зависимости и от регионального, и от федерального уровней. Как результат, общество рассматривает МСУ как наименее дееспособный и серьёзный властный институт. В частности, о доверии к МСУ заявляет только 41% российских граждан, что значительно ниже доверия к другим политическим структурам (см. табл. 1).

Таблица 1

Отношение граждан России к общественным структурам и институтам власти, %

Общественные структуры и институты власти	2021, VI		2024, IV		Ид* по 2021 г.	Ид* по 2024 г.
	доверяют	не доверяют	доверяют	не доверяют		
Президент РФ	50	36	75	15	0,14	0,60
Правительство РФ	35	51	55	27	-0,16	0,28
Совет Федерации	27	49	41	32	-0,22	0,09
Государственная Дума	23	59	37	39	-0,36	-0,9
Администрация Президента РФ	36	46	51	25	-0,1	0,26
Совет Безопасности	46	35	53	22	0,11	0,31
Руководители регионов	39	44	47	28	-0,05	0,19
Общественная палата	29	44	35	28	-0,15	0,07
Профсоюзы	34	44	36	32	-0,1	0,4
Партии, политические движения	20	59	26	41	-0,39	-0,15
Общественные организации	37	39	47	35	-0,02	0,11
Средства массовой информации	22	64	31	41	-0,38	-0,1
Органы местного самоуправления	—	—	41	36	—**	0,5

Примечания: *Индекс доверия (Ид) измеряется в диапазоне [-1; 1]. Чем ближе значение индекса к 1, тем выше уровень доверия к изменяемому институту. Чем ближе к -1, тем он ниже.

**(-) — отсутствие позиции в инструментарии.

Источник: Рассчитано автором по данным мониторинга «Как живёшь, Россия?» [15].

Явка на выборах является важнейшим индикатором доверия к избираемой власти и к процедуре выборов в целом. Низкая гражданская активность населения при ведении электоральной кампании местного уровня, на что обращали внимание социологи и политологи [21; 4], частично решилась с введением практики единого дня голосования, когда совмещались выборы разных уровней. В начале нулевых выборы в МСУ демонстрировали самую низкую явку избирателей, которая в большинстве случаев не превышала 25%, а в ряде случаев фиксировалась на уровне 7–10%, что вызывало необходимость проведения повторных выборов. Об электоральной активности на местах можно судить по дополнительным выборам, которые не проходят в Единый день голосования. Так, в 2020 году на дополнительных выборах в гордуму Саратова явка дотянула только до 9,2%. Столь равнодушное отношение к местным органам власти эксперты объясняли и низкой эффективностью МСУ, и существенной зависимостью местной власти от вышестоящих уровней, невозможностью действительно осуществлять политику по решению вопросов местного значения на собственные бюджетные средства, что позволяло говорить и о своеобразном кризисе доверия к органам местного самоуправления [22].

Тем не менее МСУ рассматривается гражданами как институт власти, встроенный во властную вертикаль, что подтверждается большей близостью с оценками исполнительной власти, нежели законодательной или институтов гражданского общества. Характерно, что доверие к органам исполнительной власти и МСУ существенно превышает доверие к органам законодательной власти и политическим партиям.

С другой стороны, рассчитанный индекс доверия к органам местного самоуправления выше индекса доверия ко всем видам и уровням власти, кроме президентского, что позволяет говорить о высоком потенциале местного самоуправления за счёт отсутствия очевидно негативных оценок, вызывающих недоверие. Не случайно доверие к органам местной власти коррелирует с оценками уровня его развития (см. табл. 2).

Таблица 2

Оценка уровня развития МСУ в зависимости от доверия, по 10-б. шкале

Отношение к органам МСУ (главе муниципалитета, мэру)	Среднее значение оценки уровня развития МСУ
Доверяют	6,88
Не доверяют	4,81
Затруднялись ответить	5,39
Всего	5,80

Источник: Рассчитано автором по данным мониторинга «Как живёшь, Россия?» [15].

В качестве позитивной тенденции обратим внимание на рост доверия к МСУ в годы проведения специальной военной операции (СВО). Именно городские власти, помимо общественных организаций [23] организовывали приём беженцев и организацию помощи фронту, что отразилось на новостной повестке на местном уровне. Например, экс-мэр Краснодара (2016–2021) перешёл на должности сначала в Харьковскую область, а потом в Херсонскую. Справедливости ради заметим, что в ряде случаев участие в СВО стало расцениваться чиновниками как некая индульгенция. Так, бывший глава (сити-менеджер) Читы Алек-

сандр Сапожников, бывший глава Уренгоя Андрей Воронов и бывший вице-мэр Челябинска Сергей Репринцев заявляли о своём желании уйти на фронт на фоне предъявленных им уголовных обвинений.

Результаты выборов 2024 года в местные органы власти. В сентябре 2024 года выборы в представительные органы столиц субъектов Федерации состоялись в 21 регионе. В большинстве субъектов Федерации (в 12 регионах) выборы проходили исключительно по одномандатным округам. В частности, так выбирали городские собрания в Салехарде, Нарьян-Маре, Биробиджане, Сахалинске, Мурманске, Чите, Иркутске, Вологде, Благовещенске, Хабаровске, Йошкар-Оле, Улан-Удэ.

Только в одном регионе – в Республике Северная Осетия-Алания – выборы проходили по партийным спискам (г. Владикавказ). В остальных восьми субъектах Федерации местные депутаты были выбраны по смешанной системе (Элиста, Симферополь, Брянск, Курган, Пенза, Тула, Анадьрь, Челябинск).

Заметим, что мажоритарная система (по одномандатным округам) ограничивает роль партий, ослабляет многопартийность, что в условиях абсолютного доминирования одной партии маргинализирует все остальные политические силы, что, несомненно, сказывается на представленности политических партий в местных советах. Напротив, использование пропорциональной системы на местном уровне и активное включение региональных и местных отделений политических партий в предвыборную борьбу способствовало и повышению интереса к выборам, и пусть скромному, но обеспечению конкурентности политического процесса.

Надо сказать, что партийная система страны в последние годы, несмотря на возникновение ряда новых политических партий, существенных трансформаций не претерпевала [24]. Ряд новых политических партий были поглощены более крупными участниками политического процесса. Исключение составила партия «Новые люди», которая попыталась занять нишу в правой зоне политического спектра [25].

Тем не менее, выборы и политические партии по-прежнему играют ключевую роль в процессе электоральной легитимации, что будет вести к сохранению, а в ряде случаев и к стимулированию выборного процесса, хотя и при постоянном контроле всех фаз и аспектов избирательного процесса [26, с. 58], в том числе на выборах местного уровня.

В выборах регионального и муниципального уровня в последние 2 электоральных цикла принимает участие, как правило, около половины из зарегистрированных политических партий, однако активными участниками избирательного процесса являются партии парламентские, что связано с особенностями избирательного законодательства.

Другая особенность местных выборов состоит в традиционно высокой доле самовыдвиженцев. В отличие от регионального уровня, где подавляющее большинство самовыдвиженцев на деле представляют партию «Единая Россия», на местном уровне активнее участвуют и представители других партий, и граждане, представляющие те или иные инициативные группы, не аффилированные с политическими партиями.

Как мы уже отмечали, выборы в местные органы власти проходят по-разному. Ряд регионов перешёл полностью на мажоритарную систему, в других сохраняется смешанная модель – и по партийным спискам, и по одномандатным округам, во Владикавказе действует пропорциональная система.

Тем не менее, 11 политических партий из 25 зарегистрированных принимали участие в сентябрьских выборах 2024 года. Общие результаты политических партий выглядят вполне предсказуемо и не сильно отличаются от результатов выборов 2023 года (см. табл. 3). Сохраняет свои позиции четвертой неажиотарной партии в стране партия «Новые люди», которая получила доверие почти 6% избирателей. Одинаковое количество сторонников (~10–11%) имеют партии долгожители – ЛДПР и Справедливая Россия. Понижающую динамику показала КПРФ, которая в 2024 году получила меньше голосов, чем СР и ЛДПР с результатом в 8,7%.

Таблица 3

Средневзвешенный результат политических партий по итогам выборов в МСУ, депутатов столиц субъектов РФ, 6–8 сентября 2024 г.

№	Политическая партия	Городские собрания столиц субъектов	
		Средневзвешенный %	Всего мандатов (список/одномандатные округа)
1	ЕДИНАЯ РОССИЯ	59,15	102/419
2	КПРФ	8,71	12/8
3	ЛДПР	10,36	12/9
4	Справедливая Россия – за правду	10,60	12/10
5	Новые люди	5,49	6/6
6	Зелёные	0,15	0/0
7	Гражданская Платформа	0,00	0/1
8	Партия Пенсионеров	1,84	1/1
9	Коммунисты России	0,75	0/0
10	Родина	0,34	0/1
11	РПСС	0,05	0/0

Источник: составлено по данным ЦИК РФ и региональных избирательных комиссий на 11.09.2024.

Однако по регионам мы видим некоторые различия, что позволяет говорить как о разных конфигурациях политических предпочтений избирателей в разных субъектах, так и об особенностях работы некоторых региональных отделений партии.

Так, в тех регионах, где выборы проходят по одномандатным округам, «Единая Россия» не просто остаётся безусловным лидером, но формирует практически однопартийный совет. Так, в Нарьян-Маре все мандаты отошли Единой России, в Улан-Удэ 29 мандатов из 30 получила партия власти и 1 мандат – самовыдвиженец. В ряде городов в совете представлены по 2 партии, но вторая партия имеет только один мандат (Хабаровск, Йошкар-Ола) или два мандата (Симферополь, Чита).

Другая группа городских собраний позволяет говорить о реализации минимального плюрализма на местном уровне. Она представлена теми советами, в которые вошли депутаты от трех политических партий (в Благовещенске, Во-

логде, Анадыре, Иркутске) и четырёх политических партий (в Элисте, Владикавказе, Брянске, Южно-Сахалинске, Биробиджане, Салехарде).

Наконец, в некоторых городских советах кресла были распределены между 5 партиями (Мурманск и Челябинск) и 6 партиями. В Курганской городской Думе и Пензенской, помимо парламентских партий, есть представитель Партии пенсионеров, в Тульскую городскую Думу, кроме представителей парламентских партий, прошёл кандидат от «Родины». Эту группу регионов мы можем назвать группой «условного плюрализма», что предполагает стабильное функционирование региональных партийных отделений, которые на протяжении нескольких электоральных циклов демонстрируют результаты. Тем не менее полноценные фракции оппозиционные партии имеют только во Владикавказе, где «Справедливая Россия» провела 6 депутатов, и в Элисте, где 4 мандата принадлежит коммунистам. В остальных случаях речь идёт об 1 или 2 депутатах (см. табл. 4).

Таблица 4

**Результаты выборов депутатов местного самоуправления
административных центров (столиц) субъектов РФ, 2024, % голосов,
полученных партией; количество мандатов,
полученных по партийным спискам / одномандатным округам**

Наименование представительного органа	Распределяется мандатов (список/одном.)	ЕР	КПРФ	ЛДПР	СРЗП	Новые Люди
Улан-Удэнский городской Совет	-/30	-	-	-	-	-
		-/29	-/0	-/0	-/0	-/0
Элистинское городское Собрание	18/7	55,55%	19,52%	5,21%	-	10,99%
		11/7	4/0	1/0	-	2/0
Симферопольский городской Совет	19/19	73,08%	4,84%	7,53%	4,21%	4,67%
		17/19	0/0	2/0	0/0	0/0
Собрание депутатов «Города Йошкар-Ола»	-/35	-	-	-	-	-
		-/34	-/0	-/0	-/1	-/0
Собрание представителей города Владикавказ	32/-	63,30%	8,10%	5,32%	16,79%	1,32%
		23/-	2/-	1/-	6/-	0/-
Дума городского округа «Город Чита»	-/30	-	-	-	-	-
		-/27	-/1	-/0	-	-
Хабаровская городская Дума	-/35	-	-	-	-	-
		-/34	-/0	-/0	-/1	-/0
Благовещенская городская Дума	-/30	-	-	-	-	-
		-/25	-/0	-/0	-/1	-/1
Брянский городской Совет народных депутатов	16/16	68,62%	8,18%	13,90%	4,57%	3,07%
		13/14	1/0	2/1	0/1	0/0
Вологодская городская Дума	-/30	-	-	-	-	-
		-/27	-/0	-/2	-/0	-/1

Окончание таблицы 4

Наименование представительного органа	Распределяется мандатов (список/одном.)	ЕР	КПРФ	ЛДПР	СРЗП	Новые Люди
Дума города Иркутска	–/35	–	–	–	–	–
		–/29	–/0	–/2	–/0	–/0
Курганская городская Дума	13/13	46,19%	10,48%	11,99%	7,55%	9,80%
		8/13	1/0	1/0	1/0	1/0
Совет депутатов города Мурманска	–/25	–	–	–	–	–
		–/20	–/2	–/1	–/1	–/1
Пензенская городская Дума	10/25	65,83%	8,86%	6,28%	5,72%	5,51%
		6/22	1/2	1/0	1/0	1/0
Городская Дума города Южно-Сахалинск	–/25	–	–	–	–	–
		–/19	–/1	–/0	–/1	–/3
Тульская городская Дума	15/20	47,52%	12,80%	11,55%	11,28%	5,48%
		8/19	2/0	2/0	2/0	1/0
Городская Дума «Города Биробиджан»	–/21	–	–	–	–	–
		–/17	–/1	–/2	–/1	–
Совет «Города Нарьян-Мар»	–/15	–	–	–	–	–
		–/15	–/0	–/0	–/0	–
Совет депутатов г.о. Анадырь	10/8	61,42%	–	24,85%	9,73%	–
		8/8	–/0	1/0	1/–	–
Городская Дума города Салехард	–/21	–	–	–	–	–
		–/18	–/1	–/1	–/1	–
Челябинская городская Дума	12/25	54,15%	6,38%	12,25%	17,30%	7,44%
		8/23	1/0	1/0	1/1	1/0

Источник: составлено по данным ЦИК РФ и региональных избирательных комиссий на 11.09.2024.

Что касается самовыдвиженцев, то большинство из них вошли во фракцию «Единая Россия», что подтверждает сложившуюся традицию выдвижения бюджетников как независимых кандидатов, которые на деле аффилированы с партией власти. По три самовыдвиженца прошли в Благовещенске (Амурская область) и Иркутске (Иркутская область), 2 самовыдвиженца прошли в Чите (Забайкальский край), по одному самовыдвиженцу прошли в Улан-Удэ (Республика Бурятия) и Южно-Сахалинске (Сахалинская область).

В целом можно говорить о полной монополизации политического пространства «Единой Россией», что интерпретируется политологами как национализация партийной системы [13], которая проявляется в виде формирования общегосударственного электората и схожих паттернов электоральной поддержки в регионах на фоне повсеместного участия партий в выборах различного уровня.

Выводы. В выборах в городские собрания столиц субъектов Федерации принимало участие 13 партий помимо «Единой России», что чуть выше, чем на выборах в региональные законодательные собрания. Оценить участие оппозиционных партий в избирательных кампаниях позволяют не только полученные

ими результаты, но и количество выдвигаемых кандидатов, а также количество победивших кандидатов от общего числа участвующих в выборах. Учитывая, что представители оппозиционных партий составили порядка 3% от общего числа выдвинутых кандидатов, можно констатировать невысокий электоральный потенциал партий парламентской оппозиции. Так, КПРФ принимала участие в 21 регионе, но провела депутатов в городские парламенты только 12 регионов, и лишь в одном случае они смогли сформировать полноценную фракцию из 4 человек. Партия «Справедливая Россия» и ЛДПР выдвигали кандидатов в 20 городских советов, провели в депутаты в 14 и 15 городах соответственно. Наконец, партия «Новые люди» участвовала в 16 избирательных кампаниях и провела депутатов в 9 муниципальных собраний. Среди непарламентских партий по 1–2 депутата смогли провести «Российская партия пенсионеров за справедливость», «Родина» и «Гражданская платформа». Такой старейший игрок политического поля как партия «Яблоко» не получила ни одного мандата.

Всего с учётом результатов региональных выборов ЛДПР получила 1087 мандатов, при этом сумела провести только 3,3% от выдвинутых кандидатов, «Справедливая Россия» – 735 мандатов (2,2% от выдвинутых кандидатов). Всем остальным партиям удалось избрать меньше 1% своих кандидатов⁵. Для сравнения, более 90% кандидатов, выдвинутых партией «Единая Россия», депутатские мандаты получили.

В сложившейся ситуации нет ничего нового, фактически в каждом электоральном цикле результаты партии власти несопоставимы с результатами других участников избирательного процесса. Формирование региональной номенклатуры по партийному признаку, когда только одна партия («Единая Россия») воспринималась как перспективная карьерная лестница, имело следствием снижение интереса региональных элит ко другим партиям и привело к монополизации регионального политического пространства, что укладывается в концепцию «атипичной демократии» в России [27, с. 102]. Оппозиционные партии с трудом поддерживают дееспособные региональные и местные отделения, где часто происходит смена руководства, сопровождающаяся внутрипартийными конфликтами и разногласиями⁶.

Отсутствие политической конкуренции на местном уровне отражает сложившиеся практики организации политического процесса в стране, что ведёт к крайней слабости организационных, идеологических и финансовых ресурсов партийных региональных структур, малочисленности активистов и членов партии, а в конечном итоге к кризису партийной системы, который сопровождается низким уровнем легитимации политических партий и органов представительной власти, которую они формируют. Тем не менее модель электорального ограниченного плюрализма продолжает воспроизводиться, выборы и политические партии по-прежнему выступают механизмами электоральной легитимации политического режима. Однако затянувшаяся имитация политической конкуренции, доминирование на политическом пространстве страны только одной партии затягивает кризис политического представительства, что продолжает негативно сказываться на легитимности избираемых органов власти.

Политические партии, претендующие на роль оппозиции в современной политической системе и участвующие в выборах, условно могут быть подраз-

⁵ Данные ЦИК РФ на 11 сентября 2024 г. URL: www.cikrf.ru (дата обращения: 03.10.2024).

⁶ Рубанков К. Руководителя фракции «Справедливой России» выгнали из его же партии // Kostroma Today. 02.02.2023. URL: <https://kostroma.today/news/rukovoditelya-frakcii-spravedlivoj-rossii-vygnali-iz-ego-zhe-partii/> (дата обращения: 03.10.2024).

делены на 3 группы: старые парламентские партии («Справедливая Россия», ЛДПР и КПРФ), активно участвующие в избирательных кампаниях всех уровней; новые парламентские партии («Новые люди»), пытающиеся закрепиться как на федеральном, так и на региональном и местном уровне; узнаваемые непарламентские партии, имеющие в некоторых регионах и муниципалитетах своих представителей («Коммунисты России», «Гражданская платформа», «Родина», «Партия пенсионеров», «Зелёные»); партии, участвующие в выборах, но не имеющие депутатского корпуса («Российская партия свободы и справедливости», «Яблоко»); наконец, партии, не участвующие в избирательных кампаниях в настоящее время, но рассматривающие такую возможность в ближайших электоральных циклах («Партия возрождения России», «Зелёная альтернатива»).

Партийная система сохраняет сложившуюся иерархичность с высоким уровнем предсказуемости, что снижает интерес к избирательному процессу и к деятельности партий, претендующих на оппозиционность.

Библиографический список

1. Кузнецов И. И., Жаров А. С. Местное самоуправление в единой системе органов публичной власти: предпосылки и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, № 1. С. 91–95. DOI [10.18500/1818-9601-2023-23-1-91-95](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-91-95). EDN [MNGYFE](https://www.edn.ru/eng/eng-edn/MNGYFE).
2. Кышев А. В. Качество региональных политических институтов: Попытка измерения // Политическая наука. 2017. № 4. С. 259–283. EDN [ZXXUCB](https://www.edn.ru/eng/eng-edn/ZXXUCB).
3. Любарев А. Е. Активность избирателей на федеральных, региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации // ВВ: Проблемы общества и политики. 2013. № 8. С. 138–209. DOI [10.7256/2306-0158.2013.8.8778](https://doi.org/10.7256/2306-0158.2013.8.8778). EDN [RWWZOJ](https://www.edn.ru/eng/eng-edn/RWWZOJ).
4. Любарев А. Е. Российские муниципальные выборы через призму электоральной статистики. – Электоральная политика. 2022. № 2(8). С. 1. EDN [YVONFX](https://www.edn.ru/eng/eng-edn/YVONFX).
5. Нотман О. В. Перспективы реализации модели соуправления в российских мегаполисах: новый гражданский активизм и микролокальные городские режимы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 2(62). С. 86–94. DOI [10.52452/18115942_2021_2_86](https://doi.org/10.52452/18115942_2021_2_86). EDN [MCWOHC](https://www.edn.ru/eng/eng-edn/MCWOHC).
6. Желнина А. А., Тьканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22, № 1. С. 162–192. DOI [10.31119/jssa.2019.22.1.8](https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8). EDN [VVKYRG](https://www.edn.ru/eng/eng-edn/VVKYRG).
7. Местное самоуправление: качество власти и качество жизни в малых и средних городах России / Н. М. Великая, А. А. Голосеева, Н. И. Белова, А. А. Хохлов. М. : Ключ-С, 2016. 223 с. ISBN 978-5-906751-57-7. EDN [VTOTCJ](https://www.edn.ru/eng/eng-edn/VTOTCJ).
8. Местное самоуправление в Российской Федерации перед лицом современных вызовов / Э. Маркварт, В. Ю. Картухин, Л. Н. Албастова [и др.]. Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2019. 286 с. ISBN 978-5-907140-35-6. EDN [GJUVZG](https://www.edn.ru/eng/eng-edn/GJUVZG).
9. ТевД. Б. Городские Думы крупнейших региональных столиц: основные характеристики и тенденции изменения бассейна рекрутирования депутатов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9, № 3. С. 74–90. EDN [TALJJV](https://www.edn.ru/eng/eng-edn/TALJJV).
10. Ткачева Т. Ю., Турченко М. С. Факторы успеха кандидатов-самовыдвиженцев на выборах в представительные органы столиц регионов России (2014-2018) // Политическая наука. 2019. № 1. С. 147–164. DOI [10.31249/poln/2019.01.08](https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.08). EDN [ZCJNJZ](https://www.edn.ru/eng/eng-edn/ZCJNJZ).
11. Митрохина Я. А. Проблемы реализации отзыва выборных лиц местного самоуправления на современном этапе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 17, № 4. С. 96–101. DOI [10.14529/law170418](https://doi.org/10.14529/law170418). EDN [ZWDYEV](https://www.edn.ru/eng/eng-edn/ZWDYEV).
12. Витковская Т. Б. Отмена прямых выборов: вызов для локальных элит // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 3(23). С. 26–36. EDN [RCABPJ](https://www.edn.ru/eng/eng-edn/RCABPJ).

13. *Гайворонский О. Ю.* Факторы национализации партийной системы современной России // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 45–61. DOI [10.17976/jpps/2018.01.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.04). EDN [YLYUFM](https://www.edn.ru/EDN_YLYUFM).
14. *Майкова Э. Ю., Симонова Е. В.* Проблема использования механизма выборов при формировании органов местного самоуправления в современной России // Власть. 2014. № 11. С. 105–110. EDN [TAMAGH](https://www.edn.ru/EDN_TAMAGH).
15. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. 89 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024). EDN [INPEEV](https://www.edn.ru/EDN_INPEEV).
16. *Туровский Р. Ф.* Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 35–51. EDN [TUHDWD](https://www.edn.ru/EDN_TUHDWD).
17. *Гельман В.* Реформа власти в городах России: мэры, сити-менеджеры и местная демократия // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 6(67). С. 143–152. EDN [NTKKDT](https://www.edn.ru/EDN_NTKKDT).
18. *Иванов О. Б.* Местное самоуправление после принятия поправок к конституции Российской Федерации: перспективы развития, правовое регулирование // Власть. 2021. Т. 29, № 2. С. 118–122. DOI [10.31171/vlast.v29i2.8009](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.8009). EDN [XHAVZP](https://www.edn.ru/EDN_XHAVZP).
19. *Исобщук М. В.* Местное самоуправление в РФ после поправок в Конституцию-2020 // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 7, № 2. С. 210–220. DOI [10.35634/2587-9030-2023-7-2-210-220](https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-2-210-220). EDN [ILMPMZ](https://www.edn.ru/EDN_ILMPMZ).
20. *Иванов В. Н., Максимов В. П.* Современное российское местное самоуправление и перспективы его развития // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10, № 1(37). С. 107–116. DOI [10.24147/2312-1300.2023.10\(1\).107-116](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10(1).107-116). EDN [DCIYHE](https://www.edn.ru/EDN_DCIYHE).
21. *Петухов В. В.* Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3–14. DOI [10.31857/S013216250007743-0](https://doi.org/10.31857/S013216250007743-0). EDN [YNNEVJ](https://www.edn.ru/EDN_YNNEVJ).
22. Российское общество и вызовы времени / М. К. Горшков, А. Л. Андреев, Р. Э. Бараш [и др.]. Книга 5. М.: Весь Мир, 2017. 427 с. ISBN 978-5-7777-0687-4. EDN [YYWQBH](https://www.edn.ru/EDN_YYWQBH).
23. *Плотникова М. А.* Формирование новых социально-групповых общностей на территории муниципального образования с низкой инициативностью граждан в условиях проведения СВО // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 18–27. DOI [10.19181/nko.2023.29.2.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.2). EDN [JVXBRB](https://www.edn.ru/EDN_JVXBRB).
24. *Rodionova M. E., Gimaliev V. G., Nazarova N. A.* On the issue of the transformation of the electoral system in the Russian Federation (From 1993 to the present day) // Political Science Issues. 2021. Vol. 11, No. 2(51–53). P. 79–84. DOI [10.35775/PSI.2021.51.2.004](https://doi.org/10.35775/PSI.2021.51.2.004). EDN [NRUMUB](https://www.edn.ru/EDN_NRUMUB).
25. *Великая Н. М., Калинин А. Ю.* Медиаактивность новых политических партий в преддверии выборов в Государственную Думу VIII созыва: социологический анализ // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 3(27). С. 84–98. DOI [10.28995/2073-6401-2021-3-84-98](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-3-84-98). EDN [DDZIDC](https://www.edn.ru/EDN_DDZIDC).
26. *Авдонин В. С.* Как региональная автократия «адаптирует» политические реформы на региональном и муниципальном уровнях (случай Рязанской области) // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2014. № 1(13). С. 57–83. EDN [TBPIPB](https://www.edn.ru/EDN_TBPIPB).
27. *Туровский Р. Ф.* Региональные выборы как фактор эволюции элит в России // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2006. Т. 4, № 1. С. 101–110. EDN [OPSFNT](https://www.edn.ru/EDN_OPSFNT).

Поступила: 05.10.2024. Принята: 08.11.2024.

Сведения об авторе:

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

natalivelikaya@gmail.com

Author ID РИНЦ: 286986; ORCID: 0000-0001-5532-844X

N. M. Velikaya¹¹ ISPR FCTAS RAS. Moscow, Russia

THE PARTIES OF THE PARLIAMENTARY OPPOSITION IN THE ELECTIONS TO REPRESENTATIVE BODIES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN 2024

Abstract. The article is devoted to the analysis of the electoral results of opposition political parties in the local government elections, which took place in September 2024. Considering the opposition as the most important element of the modern political system, the author justifies the importance of the presence of opposition political parties at all levels of government. Based on the analysis of latest data of electoral statistics, it is shown that the possibilities of political competition at local elections are slightly higher than at the regional and federal levels. It can be explained by the lower interest of the regional political elite participating in municipal government, especially against the background of a decrease in the budget provision of local government and permanent reforms of the local government. Analyzing the reforms of local self-government the author comes to the conclusion about the gradual integration of local self-government bodies into the general vertical of power and to reproduce its dependence on federal and regional authorities. This, in turn, leads to a low level of trust in the LSG on the part of citizens. At the same time, parties at the local level are becoming important actors of civil society and the main participants in the electoral process, but less than half of the registered political parties are currently becoming participants. The author shows that the main beneficiary of the elections is the United Russia party, while the opposition parties are content to participate rather than win. A typology of opposition political parties is proposed, which is based on the activity of participation in election campaigns (the number of candidates nominated, the number of regions where parties participate, the number of mandates received after the distribution of votes).

Keywords: local government, local power, political parties, opposition, elections, electoral process

For citation: Velikaya N. M. The parties of the parliamentary opposition in the elections to representative bodies of local self-government in 2024. *Science. Culture. Society*. 2024;30(4):21–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.2>

References

1. Kuznetsov I. I., Zharov A. S. Local self-government within a unified system of public authorities: prerequisites and prospects. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2023;23(1):91–95. (In Russ.). DOI [10.18500/1818-9601-2023-23-1-91-95](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-91-95).
2. Kynev A. V. Quality of regional political institutions: Attempt of measurement. *Political science (RU)*. 2017;(4):259–283. (In Russ.).
3. Lyubarev A. E. Voter turnout of federal, regional and municipal elections in the Russian Federation. *NB: Issues of Society and Politics*. 2013;(8):138–209. (In Russ.). DOI [10.7256/2306-0158.2013.8.8778](https://doi.org/10.7256/2306-0158.2013.8.8778).
4. Lyubarev A. E. Municipal elections in Russia through a lens of electoral statistics. *Electoral Politics*. 2022;(2):1. (In Russ.).
5. Notman O. V. Possibilities for implementing a co-governance model in Russian megapolises: the new civic activism and microlocal urban regimes. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2021;(2):86–94. (In Russ.). DOI [10.52452/18115942_2021_2_86](https://doi.org/10.52452/18115942_2021_2_86).
6. Zhelnina A., Tykanova E. Formal and informal civic infrastructure: contemporary studies of urban local activism in Russia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2019;22(1):162–192. (In Russ.). DOI [10.31119/jssa.2019.22.1.8](https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8).
7. Velikaya N. M., Goloseeva A. A., Belova N. I., Khokhlov A. A. Local self-government: the quality of power and the quality of life in small and medium-sized cities of Russia. Moscow: Kluch-S; 2016. (In Russ.). ISBN 978-5-906751-57-7.
8. Markwart E., Karpukhin V. Yu., Albastova L. N. [et al.]. Local self-government in the Russian Federation in the face of modern challenges. Vladimir: Vladimir branch of RANEP; 2019. (In Russ.). ISBN 978-5-907140-35-6.

9. Tev D. B. City councils of the largest regional capitals: main characteristics and tendencies of change of the pool of recruitment of deputies. *Political expertise: POLITEX*. 2013;9(3):74–90. (In Russ.).
10. Tkacheva T. Yu., Turchenko M. S. City-council elections in Russia's regional capitals, 2014–2018: Self-nominess and factors of their success. *Political science (RU)*. 2019;(1):147–164. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2019.01.08](https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.08).
11. Mitrokhina Ja. A. Problems of implementation of recall of elected officials of local self-government at the present stage. *Bulletin of South Ural State University. Series "Law"*. 2017;17(4):96–101. (In Russ.). DOI [10.14529/law170418](https://doi.org/10.14529/law170418).
12. Vitkovskaya T. B. Cancellation of direct elections: a challenge for local elites. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2013;(3):26–36. (In Russ.).
13. Gaivoronsky Yu. O. Factors of party system nationalization in contemporary Russia. *Polis. Political Studies*. 2018;(1):45–61. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2018.01.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.04).
14. Maykova E. Yu., Simonova E. V. Problem of using the election mechanism in formation of bodies of local self-government in modern Russia. *Vlast'*. 2014;(1):105–110. (In Russ.).
15. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.]. How are you, Russia? Express information. 54th stage of the sociological monitoring, April 2024. Moscow: FCTAS RAS; 2024. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024).
16. Turovsky R. F. Russia's local self-government: the agent of the government in the trap of insufficient funding and civil passivity. *Polis. Political Studies*. 2015;(2.):35–51. (In Russ.).
17. Gelman V. Governmental reform in the Russian cities: mayors, city-managers and local democracy. *Comparative Constitutional Review*. 2008;(6):143–152. (In Russ.).
18. Ivanov O. B. local self-government after the adoption of amendments to the constitution of the Russian Federation: development prospects, legal regulation. *Vlast'*. 2021;29(2):118–122. (In Russ.). DOI [10.31171/vlast.v29i2.8009](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.8009).
19. Isobchuk M. V. Local self-government in the Russian Federation after amendments to the Constitution-2020. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2023;7(2):210–220. (In Russ.). DOI [10.35634/2587-9030-2023-7-2-210-220](https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-2-210-220).
20. Ivanov V. N., Maksimov V. P. Modern Russian local government and prospects for its development. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2023;10(1):107–116. (In Russ.). DOI [10.24147/2312-1300.2023.10\(1\).107-116](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10(1).107-116).
21. Petukhov V. V. Civic participation in Russia today: interaction of social and political practices. *Sociological Studies*. 2019;(12):3–14. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250007743-0](https://doi.org/10.31857/S013216250007743-0).
22. Gorshkov M. K., Andreev A. L., Barash R. E. [et al.]. Russian society and the challenges of time. Book 5. Moscow: Ves' Mir; 2017. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0687-4.
23. Plotnikova M. A. Formation of new social-group communities on the territory of the municipality with low initiative citizens in conditions of conduction of SMO. *Science. Culture. Society*. 2023;29(2):18–27. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.2.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.2).
24. Rodionova M. E., Gimaliev V. G., Nazarova N. A. On the issue of the transformation of the electoral system in the Russian Federation (From 1993 to the present day). *Political Science Issues*. 2021;11(2):79–84. DOI [10.35775/PSI.2021.51.2.004](https://doi.org/10.35775/PSI.2021.51.2.004).
25. Velikaya N. M., Malinin A. Yu. Media activity of new political parties on the eve of elections to the State Duma of the VIII convocation. Sociological analysis. *RSUH/ RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. 2021;(3):84–98. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2021-3-84-98](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-3-84-98).
26. Avdonin V. S. The way regional autocracy "adapts" political reforms at the regional and municipal levels (on the example of the Ryazan region). *Pro Nunc. Current political processes*. 2014;(1):57–83. (In Russ.).
27. Turovsky R. F. Regional elections as a factor in the evolution of the elites in Russia. *Pro Nunc. Current political processes*. 2006;4(1):101–110. (In Russ.).

Received: 05.10.2024. Accepted: 08.11.2024.

Information about the author:

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Sciences, Deputy Director of Science and Research, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

natalivelikaya@gmail.com

ORCID: [0000-0001-5532-844X](https://orcid.org/0000-0001-5532-844X)